

гарольд лэмб

ROMAN EST ROMAN

ЧИНГИСХАН

властелин
мира

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Nomen est Omen

Гарольд Лэмб

Чингисхан. Властелин мира

«Центрполиграф»

2007

Лэмб Г.

Чингисхан. Властелин мира / Г. Лэмб — «Центрполиграф»,
2007 — (Nomen est Omen)

Семьсот лет назад изгою Чингисхану удалось вернуть свое ханство и изменить ход мировой истории. Он покорил три сильнейшие империи и вошел в историю как великий воин и жестокий правитель. В книге ярко и живо повествуется обо всех значительных событиях эпохи владычества Чингисхана, о жестокости и прогрессивных преобразованиях великого правителя, заставившего пятьдесят народов жить по своим законам.

© Лэмб Г., 2007

© Центрполиграф, 2007

Содержание

Тайна	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лэмб Гарольд

Чингисхан. Властелин мира

Тайна

Семьсот лет назад один человек покорил почти весь мир. Он стал хозяином покоренных им незнакомых территорий и внушил человечеству ужас на многие поколения.

На протяжении всей жизни ему давали много имен – Истребитель Людей, Кара Божья, Совершенный Воин и Властитель Тронов и Корон. Нам он больше известен под именем Чингисхан.

В отличие от большинства правителей он достоин всех этих титулов. Нам привычен перечень великих, начиная от Александра Македонского, Юлия Цезаря и кончая Наполеоном. Однако Чингисхан как завоеватель был более масштабной фигурой, чем хорошо известные деятели европейской исторической сцены.

Несомненно, трудно дать ему оценку, руководствуясь общепринятыми категориями. Когда он шел со своей ордой, отсчет велся масштабами широты и долготы, а не милями пройденного пути; города на его пути часто сравнивались с землей, а реки меняли свои русла; пустыни заполнялись беженцами и умирающими, и там, где прошла орда, волки и вороны оставались единственными живыми существами в некогда населенных землях.

Такая кровавая расправа над людьми приводит в замешательство современные умы, даже искушенные представлениями времен Второй мировой войны. Чингисхан, предводитель кочевников, появившийся неожиданно из пустыни Гоби, вступил в войну с цивилизованным миром и вышел победителем.

Нам следует вернуться в XIII век для того, чтобы осознать, что это значило. Мы обнаруживаем, что магометане были убеждены в том, что такое потрясение на земле могло быть вызвано только пришельцем со сверхъестественными способностями. Не иначе как близился конец света. «Никогда еще, – восклицает летописец, – ислам не оказывался в такой ситуации, меж двух огней – нашествием назаретян и монголов».

И весь христианский мир пребывал в оцепенении от ужаса еще целое поколение после смерти Чингисхана, после того, как свирепые монгольские всадники промчались по Западной Европе. Правители Польши и Венгрии Болеслав и Бела бежали с поля брани, а силезский герцог Генрих и его тевтонские рыцари пали, пронзенные монгольскими стрелами у Лигницы, разделив судьбу русского великого князя Юрия; а прекрасная королева кастильская Бланш скорбно вопрошала у Людовика Святого: «Мой сын, где же ты?» Более хладнокровный германский король Фридрих II писал Генриху III Английскому, что татарское нашествие, должно быть, не что иное, как наказание Божье, ниспосланное на христианский мир за его грехи, а сами татары – это потомки десяти исчезнувших племен Израиля, поклонявшихся золотому тельцу и за свое идолопоклонство заброшенных в азиатские пустыни.

Знаменитый Роджер Бэкон высказывал мнение, что монголы были солдатами Антихриста, которые пришли собрать последний, ужасный урожай.

Эта вера была подкреплена любопытным пророчеством, ошибочно приписываемым святому Иеремии, о том, что в день пришествия Антихриста тюркская раса появится из страны Гога и Магога, из-за гор Азии, раса грязная и немытая, не употребляющая вина, соли и хлеба, и принесет несчастья всему миру.

И вот папа созвал совет города Лиона отчасти для того, чтобы изыскать способы сдержать нашествие монголов, и отважный и уважаемый Джованни дель Плано Карпини, монах нищен-

ствующего ордена, был направлен к монголам в качестве уполномоченного папского престола. «Поскольку мы в ужасе от близкой неминуемой опасности в их лице для Церкви Господней».

В церквах были отслужены молебны во избежание монгольской «чумы».

Если бы это разрушение, эти оковы для прогресса человечества были единственным, что принес с собой Чингисхан, то он был бы не более чем вторым Атиллой или Алариком, грозным бесцельным скитальцем. Но этот злодей был также Совершенным Воином и Властителем Тронов и Корон.

И тут мы сталкиваемся с тайной, окружающей Чингисхана. Кочевник, охотник и пастух стал покорителем трех империй; варвар, никогда не видевший цивилизованного города и не умевший писать, разработал свод законов для пятидесяти народов.

В отношении полководческих способностей Наполеон мог бы считаться самым выдающимся из европейцев. Но мы не должны забывать, что он оставил на произвол судьбы свою армию в Египте и бросил остатки еще одной своей армии в снегах России. И наконец, он потерпел поражение при Ватерлоо. Его империя распалась у него на глазах, его свод законов был разорван, а его сын лишен наследства еще при жизни самого императора. Вся превозносимая история его дел отдает театром, а сам Наполеон напоминает актера.

По необходимости нам следует обратиться к Александру Македонскому, этому безрассудному и славному в своих победах юноше, в поисках гения-завоевателя, подобного Чингисхану. Богоподобный Александр вел в поход свои фаланги навстречу восходящему солнцу, неся с собой благо греческой культуры. Оба полководца умерли в зените славы одержанных побед, и их имена живут в легендах Азии сегодня.

Лишь после их смерти разница в уровне того, чего достиг в жизни каждый из них, не оставляет места для сравнения. Военачальники Александра вскоре вступили в войну друг с другом за империю, из которой был вынужден бежать его сын.

Чингисхан настолько прочно закрепил за собой место властителя земель от Армении до Кореи, от Тибета до Волги, что его сын вступил в права наследства, не вызвав протестов, а власть его внука Хубилай-хана все еще распространялась на полмира.

Эта империя, созданная как по волшебству, рукой варвара, мистифицировала историков. Самая последняя общая история его эпохи, составленная учеными-историками Англии, признает, что этот факт представляется необъяснимым. Компетентный ученый не преминет поразиться «зловещей личности Чингисхана, которую, в конечном счете, мы могли бы объяснить не более, чем гениальность Шекспира».

Многое способствовало сокрытию от нас личности Чингисхана. Хотя бы то, что монголы не умели писать и не старались научиться. В результате летописи его времени существуют лишь в разрозненных записях уйгуров, китайцев, персов и армян.

Таким образом, самыми лучшими хроникерами великих монголов были их враги. Этот факт не следует забывать, давая оценку завоевателям. Монголы были для них людьми чужого племени. Более того, как и у европейцев XIII столетия, их представление о мире за пределами своей собственной земли было очень расплывчатым.

Они увидели монголов, неожиданно появившихся из мрака неизвестности. Они испытали весь ужас монгольского нашествия и видели, как орда прошла дальше в другие, неведомые им земли. Некий магометанин печально резюмировал то, что ему довелось пережить от монголов: «Они явились, они сломали, сожгли и убили, потом связали добычу и скрылись прочь».

Чрезвычайно трудно читать и сравнивать все эти разнообразные источники. Преуспевшие в этом востоковеды довольствовались главным образом политическими сторонами монгольских завоеваний. Они представляют нам Чингисхана как некую инкарнацию мощи варваров, кару, время от времени исходящую из пустыни, чтобы разрушить падшую цивилизацию.

Сага «Сананг сечен» не помогает раскрыть эту тайну. Она просто утверждает, что Чингисхан был *богдо* (ниспосланный Небом) от расы богов. Вместо тайны мы имеем чудо.

Средневековые хроники Европы склоняются к вере в сатанинскую силу, вселившуюся в монголов и нашедшую выход в Европе.

Вызывает раздражение, что современные историки фактически вторят суевериям XIII столетия. Особенно когда речь идет о Европе того времени, не видевшей кочевников Чингисхана в качестве явных оккупантов.

Есть верный способ пролить свет на тайну, окружающую Чингисхана. Он состоит в том, чтобы повернуть стрелки часов на семь столетий назад и взглянуть на Чингисхана так, как он представляется в хрониках его дней, и не как на чудо или воплощение варварской мощи, а как на реальную личность.

Нас будут интересовать не политические достижения монголов, а то, что представлял собой человек, поднявший монголов от уровня никому не известного племени до властителей мира.

Чтобы понять этого человека, мы просто должны приблизиться к нему и его окружению на той территории, которая существовала семьсот лет назад. Мы не можем оценивать его по меркам современной цивилизации. Мы должны рассматривать его согласно воззрениям сурового мира степей, населенного охотниками, кочевниками, скачущими на лошадях и использующими как средство транспорта оленей.

Там люди одевались в шкуры животных и питались молоком и мясом. Они смазывали свое тело жиром, защищая его от холода и воды. Для них не имело значения, умрут ли они от голода или мороза или же их пронзит оружие недруга.

«Тут нет ни больших, ни малых городов, – пишет доблестный Плано Карпини, первый европеец, попавший на эту землю, – но повсюду песчаные пустоши, нет и сотов части земли, которая была бы плодородной, за исключением тех очень редко встречающихся мест, которые орошают реки.

Эта земля почти лишена деревьев, хотя и хорошо подходит для пастбищ. Даже император и принцы, как и все прочие, согреваются и готовят пищу, используя в качестве топлива лошадиный и коровий навоз.

Климат очень суров, с сильными грозами и молниями, как в середине лета, от которых многие люди гибнут, и все это может сопровождаться сильными снегопадами и такими сильными порывами холодных ветров, что порой люди с трудом удерживаются в седле. Как-то при одном из них мы были вынуждены упасть ничком на землю, и ничего не было видно из-за жуткой пыли. Нередко выпадает обильный град, а невыносимая жара вдруг сменяется чрезмерным холодом».

Это пустыня Гоби, в год 1162-й нашей эры, год Свиньи по календарю двенадцати зверей.

Часть первая

Глава 1 Пустыня

Жизнь не много значила в Гоби. Высокие, открытые всем ветрам плато, соседствующие с облаками. Озера с камышовыми берегами, посещаемые пернатой живностью по пути в северные тундры. Громадное озеро Байкал, овеваемое всеми демонами воздушной стихии. В ясные ночи середины зимы всполохи северного сияния, то вспыхивающие, то исчезающие над горизонтом.

Дети в этом уголке Северной Гоби не учились переносить страдания; они были рождены для них. После того как их отнимали от материнской груди и приучали к кобыльему молоку, предполагалось, что они позаботятся о себе сами.

Самые близкие к очагу места в семейном шатре предназначались взрослым воинам и гостям. Женщины, правда, могли располагаться с левой стороны, но на некотором расстоянии, а мальчикам и девочкам приходилось устраиваться где придется.

Так же и с пищей. Весной, когда лошади и коровы давали молоко в изобилии, проблем не было. Да и овцы откармливались. Добыча сама шла в руки, и охотники племени приносили оленя или даже медведя вместо тощих пушных зверей, таких, как лисица, куница и соболь. Все шло в котел и поедалось – первыми получали свою порцию крепкие мужчины, после них была очередь стариков и женщин, а детям приходилось драться за кости и жесткие куски мяса. Очень мало оставалось для собак.

Зимой, когда добыча была скудной, дети питались хуже. Оставался только *кумыс* — молоко, хранящееся в кожаных мешках, перебродившее и взбитое. Оно было питательным и слегка опьяняющим для трех-четырехлетнего карапуза, если только он ухитрялся выпросить или стащить немного этого напитка. За отсутствием мяса вареное просо помогало утолить голод после сезона изобилия.

Конец зимы был самым плохим временем для детей. Уже невозможно было выборочно забивать скот. В этот период воины племени обычно совершали набеги на другие племена, забирали у них запасы продовольствия, уводили скот и лошадей.

Дети научились устраивать свою собственную охоту, гоняясь за собаками и крысами с дубинками или стреляя в них тупыми стрелами. Они тоже учились быть наездниками, используя для этого овец и удерживаясь на них, уцепившись за их длинную шерсть.

Выносливость была первым качеством, которое унаследовал Чингисхан, получивший при рождении имя Темучин¹. Он родился в отсутствие отца – тот совершал набег на одно из враждебных племен. Как роды, так и поход были удачными, неприятель был взят в плен, и суеверный отец дал младенцу имя плененного им Темучина.

Его жилище представляло собой шатер, сделанный из войлока, натянутого на сплетенный из прутьев каркас с отверстием у свода для выхода дыма. Он был обмазан белой известью и украшен орнаментом. Эта особая разновидность шатра – *юрта* совершала походы по степям на повозке, которую тянули с десятков буйволов. Это было практично, поскольку куполообразная форма юрты позволяла противостоять буйным ветрам, а в случае необходимости ее можно было снять.

¹ Темучин означает «чистая сталь» – Tumug-jī. Китайская версия T'ie mou jen дает совершенно другое значение – «Величайший человек земли»

Жены вождей – а отец Темучина был вождем – имели свои собственные украшенные орнаментом юрты, в которых жили их дети. Обязанностью девочек было следить за порядком в юрте, поддерживать огонь в каменной плите под очагом с дымоотводом. Одна из сестер Темучина стояла на платформе перед откидным полотнищем входа и управляла буйволами во время движения. Оси колес одной повозки прикреплялись к осям колес другой, и стоял скрип, и повозки раскачивались, возвышаясь над травой пастбищ, и чаще всего ни единого дерева или холма не было видно.

В юрте хранились фамильные ценности: ковры из Бухары или Кабула, захваченные, вероятно, при нападении на караван, сундуки с женской одеждой, шелковыми платьями, выменянными у ушедшего арабского торговца, изделия из серебра. Наиболее ценным было оружие, развешанное на стенах: короткие турецкие ятаганы, копья, колчаны из слоновой кости или бамбука, стрелы различной длины и веса и наверняка щиты из покрытой лаком дубленой кожи. Все это также было награблено или куплено, переходило из рук в руки вместе с удачей в бою.

У Темучина – так звали Чингисхана в молодости – было много обязанностей. Мальчики в семье должны были ловить рыбу в бурных речках, которые нужно было преодолевать на пути от летнего пастбища к зимнему. Пасти лошадей входило в их обязанности, и им приходилось скакать в поле, разыскивая заблудившихся животных, и искать новые пастбища. Они следили, нет ли на горизонте вражеских всадников, и проводили ночи напролет в снегу, не разжигая огня. Жизнь заставляла их по несколько дней не вылезать из седла и обходиться без горячей пищи по три дня кряду, а иногда и совсем без пищи. Когда баранины или конины было в избытке, они устраивали празднество, наверстывая упущенное, поглощая невероятное по сравнению с днями недоеданий количество припасов. В качестве развлечений они устраивали конные скачки в степи на расстояние двадцати миль в один конец и обратно или соревнования по борьбе, в которой ничего не стоило получить переломы. Темучин отличался большой физической силой и способностью планировать дела наперед, что было лишь еще одним способом адаптации к обстоятельствам. Он был чемпионом по борьбе, несмотря на поджарое телосложение. Он поразительно ловко обращался с луком, хотя и не столь искусно, как его брат Джучи-Касар, которого прозвали «лучник». Но Касар побаивался Темучина.

Вдвоем они объединились против своих братьев по отцу, и первым серьезным актом с участием Темучина была расправа над одним из единокровных братьев, укравшим у него рыбу. Жалость, похоже, мало ценилась у этих юных кочевников, но мщение было делом чести. И Темучин узнал всю серьезность кровной вражды, не сравнимую с враждебностью мальчиков по отношению друг к другу. Его мать Оэлун отличалась красотой. Отец в свое время похитил ее у соседнего племени прямо со свадебного кортежа, направлявшегося к шатру предназначенного ей мужа. Будучи дальновидной и волевой, Оэлун после недолгих причитаний использовала в свою пользу сложившуюся ситуацию; но все в юрте знали, что однажды люди из ее племени придут, чтобы отомстить за причиненное зло.

Ближе к ночи, при ярком свете горящего сухого навоза, Темучин любил слушать баллады бродячих певцов, старцев, скакавших от одной кибитки к другой с однострунным музыкальным инструментом, напевая утробным голосом сказания о славных предках и героях племени.

Он осознавал свою силу и право на лидерство. Разве не он первенец удалого Есугея-багатура, хана *якка-монголов*, или Великих монголов, хозяина сорока тысяч юрт? Из песенных сказаний он знал, что был высокого происхождения от рода Борджигин, или сероглазых людей. Он внимал повествованию о своем предке Кабул-хане, таскавшем за бороду китайского императора и впоследствии отравленном за это. Он узнал, что названным братом его отца был Тогрулхан – вождь кераитов, самого могущественного из кочевых племен Гоби. Именно он породил в Европе миф об Иоанне – священнике Азии. Но в то время кругозор Темучина был ограничен землями пастбищ его племени, *якка-монголов*. «Мы не составим и сотую часть Китая, – говорил мальчику мудрый советник, – и единственная причина того, почему нам удастся справ-

ляться с ним, состоит в том, что все мы – кочевники, и все нам необходимое всегда с нами, и мы опытни в нашем способе ведения войны. Когда готовы, мы совершаем набег, когда нет – мы скрываемся. Если мы начнем строить города и изменим наши старые обычаи, то процветания у нас не будет. Кроме того, монастыри и храмы способствуют смягчению нравов, в то время как жестокость и воинственность покоряет народы»^[1].

При исполнении обязанностей пастуха Темучину разрешалось скакать вместе со своим отцом Есугеем. Судя по всему, он имел приятную внешность, но крепость тела и прямота характера были более примечательными его особенностями, чем какая бы то ни было привлекательность черт лица. По-видимому, он был высок, широкоплеч и имел светловатого оттенка желто-коричневую кожу. Его широко поставленные над наклонным лбом глаза смотрели прямо. Цвет их радужной оболочки был зеленым или голубовато-серым с черными бусинками зрачков. Его заплетенные в косы длинные рыжевато-коричневые волосы болтались за спиной. Он был немногословен, а говорил, прежде обдумав то, что собирался сказать. Он обладал непоколебимой твердостью характера и талантом легко приобретать друзей. Его любовная страсть, так же как и у его предков, вспыхивала внезапно. Как-то, когда отец и сын коротали ночь в юрте одного из чужих воинов, внимание юноши привлекла девочка, следившая за порядком в шатре. Он тут же спросил Есугея, нельзя ли взять ее в жены.

– Она еще ребенок, – возразил отец.

– Когда подрастет, то будет в самый раз, – заметил Темучин.

Есугей присмотрелся к девочке, девятилетней красавице по имени Борте, навевавшей воспоминания о легендарном родоначальнике племени – Сероглазом.

– Она еще мала, – констатировал ее отец, втайне польщенный проявленным монголом интересом, – но все же вы можете на нее взглянуть. – А о Темучине он сказал одобрительно: – У вашего сына выразительное лицо и ясный взгляд.

И на следующий день сделка была заключена и монгольский хан ускакал, оставив Темучина знакомиться со своей будущей невестой и ее отцом.

Через несколько дней прискакал монгольский гонец и поведал, что Есугей, проведя ночь в гостях у вражеского племени, вероятно, был там отравлен, лежит при смерти и хочет видеть Темучина. И хотя тринадцатилетний Темучин скакал со всей быстротой, на которую конь был способен домчать его в стойбище, он застал там уже умершего отца. Мало того, произошло кое-что еще, пока отсутствовал Темучин. Старейшины рода обсудили положение дел, и две трети отказались от вождя и отправились на поиски других покровителей. Они боялись доверить свою судьбу и судьбы членов своих семей и стад неопытному юнцу.

«Глубокая вода ушла, – говорили они, – крепкий камень разбит. Что нам делать с женщиной и ее детьми?»

Мудрая и решительная Оэлун сделала что могла, чтобы избежать развала племени. Держа в руке родовое знамя с девятью хвостами яка, она поскакала за дезертирами и стала умолять их вернуться, уговорив в конце концов повернуть назад свои стада и кибитки лишь несколько семей.

Темучин теперь сидел на белом коне хана якка-монголов, но его окружали лишь немногие из оставшихся представителей рода, и он столкнулся с неизбежностью того, что все заклятые враги монголов воспользуются смертью Есугея, чтобы выместить зло на его сыне.

Глава 2

Борьба за существование

Во времена его великого деда Кабул-хана и его отца Есугея якка-монголы были полными хозяевами в Северной Гоби. Будучи монголами, они конечно же захватывали лучшие пастбища, протянувшиеся от озера Байкал на восток до отрогов гор, известных под названием Хинган, на границе с современной Маньчжурией.

Расположенные к северу от заполонивших все песков Гоби, между двумя плодородными долинами рек Керулен и Онон, эти пастбища были лакомым куском. Холмы, покрытые березами и пихтами, полноводные реки благодаря позднему таянию снегов, – было где разгуляться. Все это было слишком хорошо известно племенам, совсем недавно подчинявшимся монголам, а теперь готовым захватить то, что переходило во владение тринадцатилетнего Темучина.

Эти владения были бесценными для кочевников – тучные луга, климат с не слишком суровыми зимами и стада, дающие все необходимое для существования: шерсть для войлока и веревок для скрепления юрт, кости для наконечников стрел, кожу для седел, а также мешков для кумыса и сбруи для лошадей.

Вероятно, Темучин мог бы сбежать. Он ничего не мог сделать для того, чтобы отвести настигающий удар. Его вассалы, как мы могли бы их назвать, были нерешительны и не слишком горели желанием отдавать юному хану положенную десятину от своего домашнего скота. Кроме того, они были разобщены, сновали по холмам, охраняя свои собственные стада от волков и неизбежных мелких вражеских набегов ранней весной.

Он не убежал. Хроники повествуют, что он некоторое время горевал в одиночестве в юрте. Затем он приступил к руководству. Оставались еще младшие братья и сестры, которых нужно было кормить, и не покинувший его сводный брат.

Борьба становилась неизбежной потому, что один из воинов по имени Таргутай, также происходивший из рода Борджигин, сероглазых людей, объявил, что теперь он властитель Северной Гоби. Таргутай был вождем тайчиутов – заклятых врагов монголов.

И Таргутаю, убедившему большинство соплеменников Темучина встать под его знамя, предстояло теперь устроить облаву на молодого хана монголов, подобно тому как матерый волк преследует и душит щенка, потенциального будущего вожака стаи.

Облава была начата без предупреждения. Тучи всадников помчались в орду, в стойбище монголов. Некоторые из них повернули в сторону, чтобы перехватить находившиеся поодаль стада. Сам Таргутай направился к юрте, где развешалось родовое знамя.

А Темучин и его братья бежали еще до нападения вражеских воинов. Искусный лучник Касар, натянув поводья, придержал коня, чтобы пустить несколько стрел во врага. Оэлун рискнула остаться в юрте: Таргутай искал не ее, а Темучина.

И началась охота. Тайчиуты след в след настигали юношей. Преследователи не особенно спешили. След был свежим, а кочевники привыкли идти по конскому следу при необходимости не один день. И если Темучин не переседет на свежую лошадь, то его настигнут.

Юноши инстинктивно поскакали под укрытие покрытой лесом теснины. Временами они спешили и рубили деревья в узком проходе, чтобы задержать преследователей. Когда стусились сумерки, они разделились: младшие братья и девочки спрятались в пещере, Касар свернул на другую дорогу, а сам Темучин поскакал к горе, надеясь спрятаться там.

Там он отсиживался несколько дней, пока голод не заставил его рискнуть и попытаться прорваться на лошади через кордон тайчиутов. Его заметили, схватили и привели к Таргутаю, который велел надеть на него *канг* (колодку) – деревянное ярмо, надеваемое на плечи и стягивающее также кисти рук пленника. Обездвиженный таким образом Темучин был брошен, а воины поскакали обратно на свои пастбища, уводя захваченные стада. И вот он остался беспо-

мощным, хотя и только с одним стерегущим его воином. Остальные ушли праздновать победу куда-то еще. Ночная тьма опустилась на лагерь, и юный монгол решился попытаться совершить побег.

В сумраке шатра он ударил стражника по голове краем колодки, и тот упал без чувств. Выбегая из шатра, Темучин увидел взошедшую луну и полуосвещенный лес, где был раскинут лагерь. Углубившись в гущу леса, он выбрался к реке, через которую они перебирались за день до этого. И, услышав за собой шум преследования, вошел в воду, погрузившись в нее среди нависших к воде прибрежных кустов.

Из этого укрытия он наблюдал, как тайчиутские всадники прочесывали в поисках него берег. И увидел, как один из воинов заметил его и, колебавшись, ушел, не выдав его. В колодке Темучин оставался почти столь же беспомощным, что и прежде, и ему понадобилась как интуиция, так и смелость, чтобы сделать то, что он затем сделал. Он вышел из реки, последовал за всадниками обратно в лагерь и пробрался в юрту воина, который тогда заметил его в кустах и не выдал. Волей обстоятельств это оказался человек чужого племени, временно прикнувшийся к тайчиутам.

При появлении проползающего в юрту юноши этот человек испугался больше, чем Темучин. Он пожалел пленника и теперь, должно быть, подумал, что лучше всего избавиться от юноши. Он разбил колодку и сжег обломки, а Темучина пока спрятал в повозке, нагруженной шерстью.

Было очень жарко и неудобно прятаться, зарывшись в распушенную шерсть. К тому же, когда воины тайчиутов пришли обыскивать юрту и протыкали повозку копьями, острие одного из них поранило Темучину ногу.

«Дым больше никогда не появился бы над моей юртой и очаг погас бы навсегда, если бы они тебя нашли, – мрачно проговорил этот человек, в то же время давая ему пищу и молоко, а также лук с двумя стрелами. – Теперь иди к своим братьям и матери».

И Темучин, прискакав на одолженной лошади домой, нашел его не в лучшем виде, чем обрисовывал незнакомец: на месте его стойбища – пепелище, скот угнан, братья и мать куда-то исчезли. Он пошел по их следам и обнаружил свою голодную семью в укрытии: суровую Оэлун, отважного Касара и сводного брата Бельгутея, который его боготворил.

Они теперь перебивались кое-как после благополучного житья, путешествуя в ночи от стойбища к стойбищу благожелательно настроенных к ним соплеменников. В их упряжи было не более восьми лошадей, а довольствоваться им приходилось охотой на мелкую дичь, вроде сурков и диких мышей, и рыбной ловлей вместо овцеводства. Темучин научился избегать засад и прорываться сквозь цепи воинов, устраивающих на него облавы. За ним охотились, и с каждым годом он становился все хитрее. Очевидно, что второй раз он пойман не был.

По всей вероятности, молодой хан, бежавший с тучных пастбищ своих предков, не желал оставлять свое наследство врагам. Он наведывался в отдаленные друг от друга стойбища своего племени, всерьез требуя ханскую десятину от поголовья домашнего скота – верблюдов, ослов, лошадей и овец, – чтобы обеспечить свою семью.

Примечательно, что Темучин избегал двух вещей. Сероглазая Борте все еще ожидала его появления, чтобы перебраться в его юрту, а ведь отец Борте был влиятельный человек в своем племени, под началом которого было много воинов. Однако Темучин не приближался к ним.

Он также не обращался к старому и опытному Тогрулу, вождю тюркского племени кераитов, который когда-то побратался с Есугеем. Эта клятва давала право сыну любого из них в случае нужды считать побратима отца своим приемным отцом. Казалось, чего проще – прискакать через степь к кераитам, подданным этого Иоанна – священника Азии. Они жили за городскими стенами, имели настоящие сокровища, драгоценные камни, изделия из тканей, искусно сделанное оружие и даже шатры из золоченой ткани.

«Идти как нищий, с пустыми руками, – возражал Темучин, – только вызывать презрение, а не дружеские чувства».

И он упорствовал в этой решимости, которая не была ложной гордостью, а свойственной якка-монголам прямолинейностью образа мыслей. Иоанн-священник был обязан ему помочь – узы товарищества в Северной Азии связывают крепче, чем слово короля. Однако Темучин не воспользуется помощью этого хозяина городов и удивительных чудес до тех пор, пока не сможет появиться перед ним как союзник, а не как бродяга.

Между тем какие-то воры украли его восемь коней.

Случай с восьмью конями достоин того, чтобы дать его полный пересказ из хроник. Ворами оказались бродяги-тайчиуты. Бельгутей в это время отсутствовал, усакавав на девятой лошади, гнедой кобыле, той самой, на которой Темучин бежал из плена у Таргутая. Бельгутей охотился на сурков, и, когда он вернулся, молодой хан подошел к нему:

– Коней украли.

Дело было серьезным, так как все до одного братья остались пешими и могли полагаться лишь на милость проезжавших мимо всадников.

Бельгутей вызвался отправиться на поиски.

– Ты не сможешь выследить и найти их, – возразил Касар.

– Я поеду.

– Ты не сможешь их найти, – сказал Темучин, – а если и найдешь, то не сможешь их вернуть. Я поеду.

И он поскакал на усталой гнедой кобыле по следу всадников и восьмерых угнанных коней и ехал так три дня. У него с собой было немного высушенного мяса, пристроенного между седлом и спиной лошади, чтобы оно оставалось мягким и теплым. Его запас быстро иссяк, но гораздо большую помеху создавала отстававшая лошадь. Тайчиуты, имевшие возможность менять коней, оставались вне поля его зрения.

На четвертые сутки юный монгол встретил воина своего возраста, который доил кобылу неподалеку от тропы.

– Не видел ли ты восьмерых коней и угоняющих их людей? – спросил Темучин, осаживая лошадь.

– Да, перед рассветом восемь угоняемых коней промчались мимо. Я проведу тебя по их следу.

Взглянув еще раз на монгола, незнакомый юноша, завязав свой кожаный мешок, припрятал его в высокой траве.

– Ты выглядишь усталым и озабоченным, – сказал он. – Меня зовут Борчу, и я поскачу с тобой за этими конями.

Уставшую кобылу оставили пастись на лугу, а Борчу заарканил и оседлал белого коня из табуна, который он пас, и предложил его Темучину. Они вновь поскакали по следу и через три дня выбрались к лагерю тайчиутов, неподалеку от которого и увидели на выпасе украденных коней.

Их-то двое молодых людей и стали уводить, но сразу же за ними погнались воины, один из которых на белом жеребце с арканом в руке стал их нагонять. Борчу предложил воспользоваться луком Темучина и дать отпор преследователям, но Темучин этого делать не стал. Они скакали, пока не стало темнеть и воин на белом жеребце не оказался достаточно близко, чтобы воспользоваться своим арканом.

– Эти люди могут тебя ранить, – сказал юный монгол своему новому товарищу, – я воспользуюсь луком.

Соскочив с коня и оказавшись за ним, он наложил стрелу на тетиву и пустил ее в тайчиута, выбив его из седла, а другие, подъехав к упавшему, придержали коней. Молодые люди не мешкая поскакали дальше в ночной мгле и благополучно прибыли в стойбище отца Ворчу с

лошадьми и с рассказом о своем приключении. Борчу поспешил отыскать и отдать отцу брошенный им кожаный мешок с молоком, чтобы избежать его гнева.

– Когда я увидел его, ослабленного и удрученного, – объяснял он, – я отправился вместе с ним.

Отец Борчу, владелец большого табуна, слушал с удовлетворением, так как слухи о приключениях Темучина передавались от юрты к юрте по всей степи. «Вы оба – молодые люди, – сказал он, – будьте всегда друзьями и впредь никогда друг друга не покидайте».

Они дали молодому хану еду, наполнили кожаный мешок кобыльим молоком и проводили его в дорогу. Борчу через некоторое время последовал за ним, с подарком для вождя и его семьи. Это была черная шерсть, которую он ранее отобрал для себя.

– Без тебя, – приветствуя его, сказал Темучин, – я не отыскал бы и не вернул своих восьмерых коней, так что половина из них – твоя.

Но Борчу не согласился с этим.

– Если я возьму у тебя то, что принадлежит тебе, как же ты сможешь называть меня своим другом?

Ни Темучин, ни его юные храбрецы не отличались скупостью. Щедрость была неотъемлемой чертой его характера, а тех, кто оказывал ему услугу, он не забывал. Что же касается тех, кто выступал против него, каждый, кто находился по другую сторону его маленького отряда, был потенциальным врагом.

«Подобно тому как купец верит, что его товар принесет прибыль, – наставлял он своих товарищей, – так же и монгол полагается исключительно на свою удачу и свою храбрость».

В нем обнаруживались как достоинства, так и жестокость представителей другой расы – кочевников-арабов. Он не очень жаловал слабохарактерных и с недоверием относился ко всему, что находилось за пределами его орды. Темучин научился использовать свою хитрость против уловок своих врагов, однако его слово, данное им кому-либо из своих сторонников, было нерушимым.

«Не сдержавший слова правитель – отвратителен», – говорил он по прошествии многих лет.

Даже в его орде, которая прибавляла числом с возвращением воинов, ранее следовавших за его отцом, его авторитет зиждился не на чем ином, как на собственном умении ускользать от своих врагов и правдами и неправдами удерживать в своих руках все самые лучшие пастбища для тех, кто следовал за ним. Их стада и их оружие, по обычаю племени, принадлежали им самим, а не хану. Сын Есугея мог рассчитывать на их лояльность лишь до тех пор, пока он мог их защищать. Традиция – закон орды – позволяла соплеменникам выбрать себе другого лидера, если бы Темучин оказался неспособным вести бесконечные и беспощадные войны за кочевые земли.

Благодаря своей хитрости Темучин был жив, и благодаря тому, что он делался все мудрее с годами, он становился центром, притягивающим к себе людей орды. В нем сочетались отвага и осторожность. Вождям, руководившим воинами своего племени в набегах в плодородный район между Керуленом и Ононом, удавалось заставить Темучина спуститься с холмов на более равнинную местность, но никогда не удавалось подчинить его себе.

«Темучин и его братья, – говорили в то время, – становятся все сильнее».

Лишь в Темучине горел неиссякаемый огонь устремленности к цели. Ему суждено было стать хозяином своего наследства. В то время, когда ему было семнадцать, он отправился в путь, чтобы найти Борте и сделать ее своей женой.

Глава 3

Битва кибиток

Среди людей с луками и стрелами прижились пришельцы из страны с высокими белыми горами и длинными днями. Это были древние китайцы. Они по своему обыкновению обрисовывали «северных варваров» с присущим им юмором и взрывами смеха. Поскольку жизнь была наполнена непрерывным, тяжелым трудом, осложнялась недружелюбием некоторых людей и, в сущности, была сплошным страданием, любое отвлечение от этого тяжелого бремени давало повод повеселиться. Нельзя судить о Темучине и его монголах, не принимая во внимание, что он любил шутку. Их юмор был иногда так же необуздан, как и их жестокость.

Свадьба и похороны давали редкий повод для *икхюдюр*, для праздника. Таким отдохновением от непримиримой, как в волчьей стае, вражды стало прибытие Темучина в стойбище отца Борте. Несколько сот юных всадников появились внезапно, в полном вооружении и облаченные в свободные куртки из дубленой овечьей кожи, с аляповато раскрашенными лаком нагрудниками, мешками для воды на подхвостниках их высоких седел, с пиками, притороченными поперек к обмазанному жиром, покрытым пылью и грязью плечам. И их скуластые лица жир предохранял от пронизывающего холодного ветра.

«Когда до меня дошли слухи о том, что тебя преследует жестокий враг, мы уже не чаяли увидеть тебя в живых», – сказал Темучину, приветствуя его, отец Борте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Следует иметь в виду, что монголы не относятся к той же расе, что и собственно китайцы. Они ведут свой род от коренных тунгусов, вобрав также значительную примесь иранской и турецкой крови, – потомками этой расы являются нынешние урало-алтайцы. Это были кочевники Северной Азии, которых греки называли скифами.